

УДК 94(470.5)"18"-058.232.6(045)

*А.В. Барышников***ПОВСЕДНЕВНАЯ ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА УДМУРТИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (НА ПРИМЕРЕ СЕМЬИ ЖЕРНАКОВЫХ)**

В статье рассматривается повседневная хозяйственная жизнь русской крестьянской семьи в пореформенный период. На примере семьи Жернаковых, проживавших в дер. Паздеры Сарапульского уезде Вятской губернии. Содержание переписки членов семейства и опубликованные материалы земского статистического комитета позволили выявить отдельные адаптационные механизмы крестьянского хозяйства в условиях активизации рыночных отношений. Автор показывает, что комплексный характер хозяйства – сочетание земледелия, животноводства и промыслов – позволял крестьянам не только выживать в кризисных условиях, но и находить новые источники доходов. Маленький земельный надел не давал возможности обеспечить семью необходимыми средствами существования только земледелием, что вынуждало обращаться к внеземледельческим занятиям. Для семьи Жернаковых средством стабилизации собственного финансового положения стали промыслы. Развитие капиталистических отношений, благоприятный природно-географический ресурс, а также личностный фактор открыли возможности для эволюции промысловых занятий в широкую предпринимательскую деятельность.

Ключевые слова: крестьянство, повседневная история, пореформенный период, комплексное хозяйство, предпринимательство, торговля, адаптационные механизмы.

Вторая половина XIX в. отмечена кардинальными изменениями во всех сферах жизни и прежде всего – для крестьянского населения страны. В результате реформ 1860–1870-х гг. был заложен модернизационный потенциал, сопровождавшийся, в данном случае, структурной перестройкой деревни. В крестьянской среде на первый план выступили новые адаптационные механизмы, прежде всего – включение крестьянского хозяйства в рыночные отношения. Многообразие форм адаптации деревни к новым условиям выявляется при исследовании истории повседневности отдельных крестьянских хозяйств. Погружение в ежедневную жизнь людей позволяет проследить этносоциальные особенности развития деревни под воздействием историко-географического, социально-экономического, законодательного и иных факторов. Мы придерживаемся устоявшейся в отечественной историографии дефиниции повседневности, как «сферы человеческой обыденности во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах» [12. С. 3]. История крестьянской повседневности основательно изучена на общероссийском уровне. Для изучения выбранного нами периода особый интерес представляют исследования В. Б. Безгина, О. А. Суховой [3; 15]. Дабы полнее раскрыть историю повседневной хозяйственной жизни, мы посчитали необходимым обратиться и к работам, напрямую к парадигме истории повседневности не относящимся, но дающим общую картину социально-экономического развития крестьянства пореформенной России (см.: В. И. Ленин, П. Г. Рындзюнский, И. Д. Ковальченко [7; 8; 13]). В рамках региональной историографии выделим работы М. В. Гришкиной, М. М. Мартыновой, М. А. Садакова, Н. П. Лигенко, Л. А. Волковой [4; 5; 9; 10; 14].

Повседневная жизнь русского крестьянина пореформенного периода была неразрывно связана с его хозяйственной деятельностью. Весь комплекс сельскохозяйственных работ, во главе с земледелием, влиял на социально-экономическую и духовную жизнь деревни. Общая картина хозяйственной жизни наиболее полно раскрывается благодаря материалам земской статистики, дающим необходимую базу для изучения социально-экономического развития. Однако, статистика преимущественно «обезличивает» крестьянство, не позволяя выявить конкретные связи на личностном уровне, установление которых предполагает привлечение разных групп источников. Мы использовали источники личного происхождения, а именно – частную переписку семьи Жернаковых, датируемую периодом 1881–1896 гг. Сопоставляя эпистолярную информацию и материалы статистики, мы попытались составить картину хозяйственной жизни отдельно взятой русской семьи, проживавшей в Сарапульском уезде Вятской губернии, на территории современной Удмуртии. Отметим, что переписку Жернаковых опубликовала исследователь О. Б. Йокояма в двухтомной работе «Письма русских крестьян. Тексты и контексты» [6], которую мы рассматриваем как источник.

О. Б. Йокояма – внучка купца Василия Лавровича Жернакова, ушедшего вместе с одним из братьев, Алексеем Жернаковым, на заработки в Сибирь в 1881 г. из родного села Паздеры Перевозинской волости Сарапульского уезда, где остались его родители и братья с сестрой – основные авторы рассматриваемых нами писем. Характеризуя социально-экономическое положение Жернаковых, О. Б. Йокояма показала пути поиска семьей финансовых средств для существования, одним из которых стали денежные переводы от старшего сына Василия, обосновавшегося в Тюмени и ставшего предпринимателем. Материалы их переписки представляют собой обширный материал, раскрывающий хозяйственную жизнь семьи. Большинство опубликованных писем содержит информацию, связанную с экономическим положением не только конкретной семьи, но и уезда в целом. При сопоставлении данных указанных источников мы учитываем, что основная часть материалов, собранная сотрудниками Вятского губернского земства, опирается на перепись 1890 г., тогда как письма охватывают более широкий временной промежуток.

По характеру рельефа, орошению почв, густоте населения Сарапульский уезд делился на три полосы: северную, центральную и южную. Село Паздеры находилось в южной полосе, которую отличали холмистый рельеф, общая засушливость и отсутствие орошения. В южной полосе залегали преимущественно суглинистые почвы и состав почв в целом был менее разнообразен, чем на остальной территории.

В селе жили удельные крестьяне. Национальный состав – русские, представителей других народностей не было. В селе проживало 1 042 чел., женщин (558) больше, чем мужчин (484) [2. С. 170–171]. Общее число дворов – 208, большинство из которых было одноробочими – 146 (70 %) [2. С. 170–171]. Преобладание удобных земель (2 100,2 дес. земли (96 %)), не удовлетворяло потребностей крестьян, и в среднем на двор приходилось 9,5 дес., что было ниже средних показателей по России и Удмуртии (15 и 17,37 дес., соответственно), и ниже, чем по уезду (12,6 дес.) [2. С. 174–175]. Даже если учитывать, что средний показатель по уезду не давал реальной картины, и колебания размеров земельных наделов были велики, 9,5 дес. земли на двор было недостаточно. К малоземельной группе крестьянских хозяйств относились дворы с наделом в 5–10 дес. [2. С. 174–175]. Невозможность прокормиться, занимаясь исключительно земледелием, стала одним из определяющих факторов, вынуждавших крестьян покидать аграрный сектор и искать иные источники заработка.

С самых первых писем, отправленных сыну в Сибирь в сер. 1881 г., прослеживается мотив острой финансовой нужды семейства Жернаковых. 1880 г. был неурожайным, и запасы зерна иссякли уже к июлю 1881 г. За этим последовал и рост цен. Так, пуд ржаной муки за один месяц подорожал с 95 коп. до 1 руб. 10 коп. [6. С. 23]. Если в прошлые годы семье удавалось продавать хлеб, то теперь они были вынуждены покупать его [6. С. 16]. К этой проблеме прибавлялось отсутствие в хозяйстве лошади: «Шлите, пожалуйста, деньги: крайне нужны на лошадь. Без лошади жить нам нельзя никаким образом» [6. С. 37]. Отметим, что доля безлошадных хозяйств в Паздерах составляла 33 %, тогда как дворы без скота – 17 % [2. С. 174–175]. Отсутствие лошади отчасти компенсировалось наличием другого скота. Жернаковы владели тремя коровами и четырьмя овцами [6. С. 41]. Среди исследователей утвердилось мнение, что русский крестьянин (в отличие от крестьянина-удмурта) больше держится за корову, чем за лошадь [15. С. 23]. Тем не менее, в письмах мы наблюдаем насущную потребность в приобретении лошади, которую семье удалось купить в сентябре 1882 г. за 65 руб., благодаря помощи сына из Тюмени [2. С. 56].

Лето 1883 г. поставило Жернаковых на грань выживания: «...для пропитания приходится хлеб покупать с базару, а уж для посева вовсе негде взять. <...> Хотим продать последнюю лошадь» [6. С. 68]. В кон. 1883 г. ситуация выправилась: семья купила кобылицу. Однако столкнулась с новой проблемой: цены на хлеб оставались стабильно дорогими, поэтому было решено продать одну из коров, чтобы приобрести зерно. Динамика цен на хлеб, зависящая в основном от фактора урожайности, детерминировала хозяйственную политику крестьянства: урожайные годы означали низкие цены и предоставляли возможность для стабилизации финансового положения. Колебание цен на основную культуру (рожь) было значительным. Так, в благоприятные 1886 и 1894 г. цена падала до 40 коп. за пуд, а в 1895 г. снизилась до 25 коп. [6. С. 271]. В голодные 1891–1892 гг. она колебалась от 1 руб. до 1 руб. 50 коп. [6. С. 165]. В урожайные годы хлеб выгоднее было покупать, нежели выращивать самостоятельно: «Уборка дорогая, аренда, сушка, молоченье – все это стоит дорого, так что от хлеба опять убыток неизбежный» [6. С. 271].

Помимо вспашки полей и выращивания хлеба, важное место в хозяйственной деятельности занимало огородничество. Разнообразие культур, а также довольно высокие урожаи, позволяли крестьянам оставлять запасы на долгое время: «Режем морковь, свеклу, капусту, редьку – ты ее любишь, так бы тебе и послал по почте, у нас очень хорошая, сегодня убирали, да еще не все. Огурцы посолили. Только еще капусту сделать, так ее делают после Покрова <...> Арбузы здесь не дороги 7 руб. и 8 сотня, солить бы надо, да не умеем» [6. С. 278–279]. Говоря в целом о рационе крестьян, отметим, что он не был ограничен собственноручно выращенным урожаем. Так, Иван Жернаков, посетивший рынок в Уфе, писал брату в ноябре 1895 г. об обилии мяса, крупчатки, проса, свежей и малосольной рыбы, заключая, что «харчи не особенно дороги, всего благодать» [6. С. 292]. На примере семьи Жернаковых можно наблюдать нестабильность экономического положения крестьянства пореформенного периода. Не только экономическая, но и психологическая привязанность к земле, зависимость от земледелия, как основного занятия, на протяжении веков формировали уклад деревенской жизни. Однако неурожаи, повышение цен, разочарование от труда, не приносящего пользы, способствовали слому традиционности. К тому же экономически благоприятные для аграрного сектора годы не улучшали общей ситуации в Паздерах: «Вы пишете: “Как живут в Паздерах крестьяне?” – Они живут плохо, год от году хуже и беднее, дома стареют, почти падают» [6. С. 231].

Процессы экономического расслоения крестьянства особенно отчетливо проявлялись в сфере арендных отношений. Говоря о земельной аренде, обратим внимание на несколько особенностей, характерных для Сарапульского уезда. Сдача земли больше была распространена в юго-восточной части уезда – в связи с малоземельем крестьян. Сдавали ее в основном крестьяне, имеющие наименьший надел. Чем больше земли было у крестьян, тем меньше был процент, сдающих ее [1. С. 232]. Земли сдавались либо частями, либо целиком, при этом возрастание процента сдающих целиком, означало экономическую недееспособность сдатчиков. Среди русского населения уезда, к которому относились Жернаковы, процент арендующих дворов не превышал процента сдающих, следовательно, в сфере земельной аренды экономическое расслоение не было столь явным [1. С. 236]. Жернаковы не прибегали к аренде пашни, однако арендовали луга. Так, в письме от 5 июня 1881 г. они просят у сына 70 руб. к 25 июня, мотивируя тем, что лесничий пообещал не отдавать луга никому кроме них, если деньги будут уплачены в срок [6. С. 9]. Позже практика аренды лугов утвердилась за семьей, несмотря на продолжающиеся финансовые неурядицы: «Луга утвердили за мной на три года. Залога до окончания срока 50 руб., а удельные десятины взятые, за 65 десятин тоже. Министр уделов пишет строго, чтобы по 1 января были взносы внесены все сполна: сто один р. 60 коп. за удельную, а за луга 95 руб. 20 коп. И по 1 января непременно нужно уплату сделать. Это меня беспокоит. В случае неуплаты могут отказать или передать другому» [6. С. 62].

Отметим, что Жернаковы постоянно пытались найти сторонние источники доходов. Их нежелание мириться с тяжелым экономическим положением проявляется на протяжении всей переписки. Малоземелье, которое влекло невозможность обеспечивать нужды крестьянства земледелием, обусловило развитие в деревне внеземледельческих занятий. Промыслы широко распространились в Сарапульском уезде. Преобладающим местным промыслом была поденщина, охватившая 9 580 дворов [2. С. 562–571]. Среди ремесленников наиболее распространены были деревообрабатывающие промыслы: в 1 993 дворах уезда работали плотники, в 1 235 дворах – пильщики [2. С. 562–571]. Значительное число крестьян занималось кустарничеством, особенно много в уезде было рогожников и кульевичиков (2 020 дворов). Однако из кустарных промыслов наибольшее количество дворов охватило прядение; им занимались женщины в 2 927 дворах [2. С. 562–571], что, в свою очередь, свидетельствовало о развитии льноводства. Особую роль среди местных промыслов играла торговля, которая охватывала, в общей сложности, 1 814 дворов [2. С. 562–571]. Преобладающими отхожими промыслами был извоз (3 192 двора), а также возка леса и дров (2 666 дворов) [2. С. 562–571]. Распространение извоза свидетельствовало о том, что лошадей крестьяне предпочитали использовать во внеземледельческих занятиях. Нужда Жернаковых в лошади тоже была обусловлена желанием заниматься промысловой деятельностью. Помимо наземного, 10 дворов в уезде занимались речным извозом по Каме [2. С. 562–571], в их числе и семья Жернаковых. В письме от 14 июля 1881 г. сообщалось, что дело, под которым подразумевался извоз, идет хорошо: «Плавали уже 10 раз в Сарапул и уплатили старые долги, и даже купили на даче тес и уже продали в Сарапуле» [6. С. 16]. Древесина была основным грузом, перевозимым по Каме. Жернаковы, судя по всему, занимались не только перевозкой, но также куплей и продажей древесины, что позволило им погасить имевшиеся на тот момент долги.

Извоз Жернаковых не ограничивался лесом – возили бочки с вином. Работу по доставкам вина, изначально предоставлял лишь сарапульский купец С. Г. Тюнин [6. С. 41–42], один из немногих крупных предпринимателей Сарапульского уезда, владевший тремя заводами по изготовлению алкогольной продукции [10. С. 81]. Деловые отношения Жернаковых с Тюниным складывались нестабильно. Вино Тюнину возили не только по Каме, но и по суше. В письмах за 1882 г. то и дело проявляется нежелание дальнейшего сотрудничества, ввиду очевидной невыгодности доставки вина из-за отсутствия собственной лошади и невозможности покрывать расходы на гужевой извоз [6. С. 46]. С 1 января 1883 г. Жернаковы стали торговать в сельском питейном заведении, принадлежавшем С. Г. Тюнину, а в 1885 г. открыли лавку «от Тюнинского приказчика». Произошло это на общей волне открытия заведений подобного рода: с 1864 по 1895 г. число лавок выросло с 1 150 до 2 475 [10. С. 219]. Торговля в лавке шла с переменным успехом, и в 1892 г. между Жернаковыми и Тюниным произошел конфликт на финансовой почве, итогом которого стало открытие в Паздерах собственной лавки семейства, где они торговали алкоголем по дешевым ценам – 6 руб. за чарку: «Нам убытка нет, а ему явный убыток. Вместо пользы ему от Паздеринской 700 р. получит убыток рублей 500. Теперь он на нас сердится» [6. С. 160]. К нач. XX в. С. Г. Тюнин, не выдержав общей конкуренции в среде предпринимателей, вынужден был сойти с арены.

Параллельно торговле с Тюниным в 1882 г. началось сотрудничество Жернаковых с другим крупным купцом И. И. Бодалевым. И деловые, и межличностные отношения с ним сложились лучше. Как и для С. Г. Тюнина, Жернаковы доставляли на винокурные заводы Бодалева хлебное вино – по сути дистиллят для изготовления других, более качественных алкогольных напитков. Позже стали возить сырье для заготовок: «Доставляли хлеб в разные земства, осенью вели комиссию по покупке картофеля, за что брали по 2 коп. за пуд. Доставили всей около 70 тыс. пудов, водой 45 тыс. Заработали от Бодалева не меньше 2 000 руб.» [6. С. 156]. Эффективно сотрудничая с крупнейшими сарапульскими купцами, Жернаковы перенимали опыт ведения предпринимательских дел и искали пути для повышения своей экономической независимости.

Первая лодка, благодаря которой стало возможным сотрудничество с Тюниным и Бодалевым, находилась в собственности семьи. С увеличением объема заказов возникала необходимость в более качественном и усовершенствованном судне. В 1884 г. Жернаковы продали старую лодку за 65 руб. и взяли в аренду более удобную за 20 руб., одновременно с этим заготовив древесину, и начали строить собственное судно [6. С. 79]. Немаловажную роль в усилении предпринимательской активности семьи сыграло возвращение из Тюмени Алексея Жернакова, где он, помогая брату, получил необходимые навыки для ведения собственного дела. В 1885 г. Жернаковы владели двумя лодками: построенной самостоятельно и готовой, купленной за 100 руб. серебром [6. С. 84].

Вт. четв. XIX в. была временем бурного развития пароходства на Каме. В письме от 1 декабря 1886 г. отец пишет сыну в Тюмень: «...тебе желательно знать о покупке парохода. Действительно куплен, маленькая винтовка в шесть (лошадиных) сил с железным корпусом <...> Куплен в Перми у барина Малеева ценою за 2 600 руб.» [6. С. 91]. Дела вели сыновья, родители оставались в Паздерах. Несмотря на то, что пароходство на Каме к тому времени было уже весьма развитым и Жернаковым, с маломощным пароходом, было трудно конкурировать с более крупными перевозчиками, они продолжали вкладывать средства в это дело.

В 1892 г. был приобретен новый деревянный пароход за 8 500 руб. С этого момента расширились карта перевозок и список товаров: «У нас дела, слава Богу, текут хорошо. Доставку взяли из Юго-Камского завода до Елабуги, железа 40 000 пуд. по 4 коп. за пуд. на 4 000 руб., и другие предвидятся доставки» [6. С. 187]. Работа для семьи распространялась теперь не только по Каме, но и по Волге, с заходами в Кинешму и Рыбинск – крупный хлебный порт. За период с 20 апреля по 20 июля, на двух собственных пароходах и одном арендованном, Жернаковы заработали 8 000 руб. [6. С. 191]. Однако желание соответствовать общему уровню постановки пароходного дела привело к тому, что доход не мог покрыть затраты на содержание рабочих и необходимый уход за пароходами.

К 1894 г. трое братьев Жернаковых – Иван, Михаил и Гавриил, оставили торговлю вином в Паздерах, чтобы полностью переключиться на пароходные перевозки в Сарапуле [6. С. 235]. В том же году, благодаря успешному выполнению многочисленных заказов на хлебные доставки за 1893 г., они осуществили давно задуманное предприятие: открытие собственной компании под названием «Пароходство Алексея Жернакова с братьями в Сарапуле» [6. С. 237]. Увеличение числа заказов естественно повлекло и увеличение прибыли. Так, за период с апреля по июль 1895 г., было доставлено

671 003, 25 пудов груза на сумму 38 411 руб. [б. С. 266]. К концу года название компании изменилось: «Пароходство Алексея Лавровича Жернакова» – вероятно, Алексей стал единоличным владельцем компании. Таким образом, семья, вынужденная вследствие невозможности обеспечивать свои нужды за счет сельского хозяйства обратиться к внеземледельческим занятиям, вышла за рамки обычной промысловой деятельности.

Жизнедеятельность семейства Жернаковых – яркий пример адаптационных возможностей русского крестьянина. Умение перестроиться, выработать новые стратегические направления, открывали возможности не только выжить, но и успешно развить собственное дело. Убедившись в невозможности достойного существования на базе земледельческого труда, Жернаковы нашли выход во внеземледельческом занятии: подрядах на перевозку груза и отходничестве. Показательно, что, не имея возможности изменить свое положение будучи крестьянами-земледельцами, Жернаковы фактически постепенно переходят из одного сословия в другое, что оказалось возможным благодаря модернизационным процессам, происходившим в России. Комплексный характер крестьянского хозяйства позволял сменить основной вид деятельности. Природно-географический фактор (наличие крупной водной артерии, близость к центру уезда – Сарапулу) вкупе с установившимися связями, в т. ч. и экономическими, между семьей, оставшейся в деревне, и сыном, уехавшим на заработки, позволили начать собственное дело. Изменение экономического и социального положения повлекло трансформацию психологии бывших крестьян Жернаковых, их разрыв с земледельческой традицией. Истоки этого разрыва уходят своими корнями в проблему малоземелья.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Материалы по статистике Вятской губернии. Сарапульский уезд. Т. VII. Ч. I. Вятка, 1892.
2. Материалы по статистике Вятской губернии. Сарапульский уезд. Т. VII. Ч. II. Подворная опись. Вятка, 1892.
3. Безгин В. Б. Крестьянская повседневность (традиции кон. XIX – нач. XX в.). М.; Тамбов, 2004.
4. Волкова Л. А. Земледельческая культура удмуртов (вт. пол. XIX – нач. XX в.). Ижевск, 2003.
5. Гришкина М. В. Крестьянство Удмуртии в XVIII в. Ижевск, 1977.
6. Йокояма О. Б. Письма русских крестьян: тексты и контексты. М., 2014. Т. 2.
7. Ковальченко И. Д. Аграрный строй России вт. пол. XIX – нач. XX в. М., 2004.
8. Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. М., 1971. Т. 3.
9. Лигенко Н. П. Крестьянская промышленность Удмуртии в период капитализма (60–90-е гг. XIX в.). Ижевск, 1991.
10. Лигенко Н. П. Купечество Удмуртии. Вт. пол. XIX – нач. XX века. Ижевск, 2001.
11. Мартынова М. М. Аграрные отношения в Удмуртии во второй половине XIX века // Аграрные отношения в Удмуртии во вт. пол. XIX – нач. XX вв. Ижевск, 1981.
12. Пушкарева Н. Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности» // Этнографическое обозрение. 2004. № 5.
13. Рындзюнский П. Г. Утверждение капитализма в России в 1850–1880 гг. М., 1978.
14. Садаков М. А. Аграрные отношения на территории Удмуртии в период империализма (кон. XIX в. – до октября 1917 г.) // Вопр. истории Удмуртии. Ижевск, 1974. Вып. второй.
15. Сухова О. А. Десять мифов крестьянского сознания. М., 2008.

Поступила в редакцию 10.09.16

A.V. Baryshnikov

EVERYDAY ECONOMIC LIFE OF RUSSIAN PEASANTRY IN UDMURTIA IN THE POST-REFORM PERIOD (EXEMPLIFIED BY ZHERNAKOV'S FAMILY)

The paper deals with the daily economic life of the Russian peasant family in the post-reform period. As an example, the history of the Zhernakov family, who lived in the village of Pazdera in the Sarapul district of the Vyatka province, is considered. The author reveals some adaptation mechanisms of peasant economy under the conditions of activation of market processes, based on the correspondence between family members and zemstvo statistical material on the Sarapul district. The article reveals that the multipurpose nature of the peasant farm, a combination of agriculture, livestock and crafts, allowed farmers to survive and to find new sources of revenue. Peasants were engaged in non-agricultural work. Because of the small land allotment, agricultural work alone did not provide the family with subsistence. Crafts were a means of stabilizing the financial situation for Zhernakovs. The development of capitalism created opportunities for the

evolution of craft activities to business activities. Natural, geographical and personal factors played an important role in business development.

Keywords: peasantry, everyday history, post-reform period, multipurpose farming, business, trade, adaptation mechanisms.

Барышников Антон Владимирович, аспирант
ФГБУН «Удмуртский институт истории языка
и литературы УрО РАН»
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: ariox_v@mail.ru

Baryshnikov A.V., postgraduate student
Udmurt Institute for History, Language and Literature
of the Ural Branch of the RAS
Lomonosova st., 4, Izhevsk, Russia, 426004
E-mail: ariox_v@mail.ru